

Мы любовь свою схоронили,
Крест поставили на могиле.
«Слава богу!» — сказали оба.
Только встала любовь из гроба,
Укоризненно нам кивая:
— Что вы сделали? Я живая!

Юлия Друнина

«Мы любовь свою схоронили...»

ЧАСТЬ I

— Оля! Поля! Ну что у вас опять в комнате творится? Что за бардак такой? Почему вся одежда разбросана?

Настя с досадой всплеснула руками, застыла в дверях скорбным изваянием. Хотя заранее знала, что ни досада, ни скорбная поза ничего не решат. То есть никак на этих юных нахалок не подействуют. Они ж знают, что им все с рук сойдет, что их любят, что вся эта сердитость выплескивается из нее как бы понарошку... Мол, положено иногда родительнице «наезжать», так и пусть себе это делает на здоровье. К тому же она ведь им не стопроцентной родительницей приходится, а тоже немного... Понарошку. Хоть и воспитывает их с четырех лет...

Нет, это обстоятельство никогда никакой роли в их отношениях не играло, это надо признать. Она для них мама, конечно же. И никакого такого «понарошку» на самом деле и нет. Чего это глупое словцо ей пришло в голову? И самой странно...

— Мам, да не сердись, мы сейчас все уберем! — тихо проговорила покладистая Оля.

— Нет, не сейчас! Мы же опаздываем! Вот придем с тренировки и приберем! — Поля решитель-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

но расставила все по местам. — Нам уже убежать надо, а мы не знаем, что надеть!

— В каком смысле не знаете? — опешила Настя, снова всплеснув руками. — Да у вас этой одежды... Вон, шкаф уже ломится! Недавно же мы вместе выбирались по магазинам... Специально, чтобы вы на лето все купили! В чем проблема-то, не пойму?

— Да, мы купили, мам... Никаких проблем... Но мы ж не знали, что будет такая жуткая жара! Хоть в трусах по улице ходи, все равно не спасешься! — виновато проговорила Оля, глянув на Полю.

Поля хмыкнула довольно глубокомысленно, словно обдумывала вариант прогулки по улице в трусах. Но вслух проговорила сердито:

— Да уж... Такое пекло, что дышать нечем. Воздух как теплая водка! Вдохнешь его, и сразу тошнить начинает.

— А ты что, пробовала теплую водку? — с ужасом спросила Настя, распахивая глаза.

— Ой, да откуда... — Поля отмахнулась, натягивая на себя джинсовые мини-шорты. — Это наш тренер так говорит после занятий — воздух в зале словно теплая водка...

— Ничего себе, какие метафоры! Что он себе позволяет, вы же дети!

— Так мы ж выкладываемся по полной, когда тренируемся, мы же пашем, как звери! Пот просто ведрами выходит! Спортивные танцы, мам, это та еще нагрузочка... Весь организм должен на пределе работать. Каждый нерв, каждая мышца... Понимаешь?

Шведская семья Ивановых

— Да понимаю, понимаю... Но все равно... Ваш тренер должен какие-то границы в отношениях соблюдать и за речью своей следить! И что он вам еще говорит, интересно?

— Да ничего такого, мам, честное слово! Не пугайся, ради бога. Нормальный он чувак, с понятиями.

— Не знаю, не знаю... Надо будет сходить посмотреть, что там за тренер такой...

— Мам, перестань! Этого еще не хватало! Чего ты пойдешь нас позорить! Что мы, маленькие, что ли?

— Ну, не такие уж и большие... И ничего особенного в том нет, если я с вашим тренером познакомлюсь!

Поля с Олей будто и не услышали ее, продолжали вертеться перед зеркалом, отталкивая друг друга. По лицу Поли было заметно, как она нравится себе в мини-шортах, и Настя сделала осторожную попытку убедить Полю в обратном:

— А эти шорты я бы тебе не советовала надевать, Поленька. Они и впрямь на трусы похожи. Лучше вон те штанишки надень, голубенькие.

— Мам! Я сама решу, что мне надеть, ладно? — повернулась к ней Поля, глянула сердито.

Настя подняла брови, чуть улыбнулась, чуть мотнула головой, что могло означать на их молчаливом языке — ой, мол, боюсь-боюсь... Ой, как мне страшно... А вслух произнесла довольно покладисто:

— Ладно, собирайтесь, не буду вам мешать... К ужину, надеюсь, вернетесь?

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Не знаем пока... Вроде девчонки после тренировки в кино собирались... Может, мы тоже пойдем. В кинотеатре в кафетерии перекусим, не переживай.

— Ладно. Только позвонить не забудьте, если в кино соберетесь. Чтоб мы с папой не волновались.

— Ладно, позвоним, если не забудем... Не надо за нас волноваться, мам...

Ох уж эта Полька! Так ответила, будто снизошла. Удостоила. А Олька улыбнулась и головой кивнула вполне дружелюбно — обязательно позвоним, мол...

Какие же они все-таки разные. Хоть и близнецы. Двое из ларца, одинаковых с лица. Но на этой одинаковости с лица все и заканчивается. Характеры и повадки, если сравнивать, — как небо и земля у обеих.

Зато какие симпатичные — глаз не оторвешь! Светловолосые, крепенькие, как два белых грибочка. И такие родные... Нет, и правда никаких «понарошку» и близко нет! Родные доченьки, милые...

Повернулась, пошла на кухню, унося с собой свое сердечное умиление. Вскоре услышала, как Полька крикнула из прихожей:

— Мам, мы ушли!

Подошла к окну, чтобы полюбопытствовать, во что же все-таки эти грибочки нарядились. Ага, на Олечке те самые штанишки, голубенькие, которые она присоветовала. А Полечка... Ах ты, вредина какая! Напялила-таки те самые шорты, похожие на трусы! Ну что ты с ней будешь делать, а?!

Шведская семья Ивановых

Открыла окно, поддавшись первому возмущенному порыву, но тут же и остыла. В самом деле, что она, теперь на весь двор орать будет? Поля, вернись, переоденься? Да ну... Не стоит этого делать. У них сейчас возраст такой... Опасливо пубертатный. Любое требование в штыки принимают, и сама не заметишь, как ударишься лбом в их склонность к преувеличению.

А может, у нее самой эта склонность к преувеличению образовалась с возрастом. Хотя какой там возраст — тридцать четыре года! Но если считать год за два... Как считают тем, кто работает в горячем цеху... Это ведь не так просто — мачехой быть! Та еще нагрузочка на психику, между прочим! Как говорится, кто там не был, тот не знает...

Так и стояла у открытого окна, глотала перепрелый от жары воздух. И впрямь как теплая водка... Метко выразился этот тренер по спортивным танцам, ничего не скажешь! Но ведь не при детях же, правда? Хотя девчонки сейчас быстро взрослеют, и на детей в свои тринадцать уже не похожи. Рослые, спортивные, гибкие, как юные пантеры. Вот и поди, воспитывай их, учи чему-то... Ты им слово, они тебе два в ответ!

Вздохнула, отошла от окна. Походила туда-сюда по квартире, не зная, за что схватиться, — дел-то невпророт накопилось. Откладывала на выходной, откладывала... И вот он, выходной. А руки ни на что не поднимаются. Это от жары, наверное. Когда эта невыносимая жара кончится наконец?

Вот сколько раз Валю просила — надо купить кондиционер, надо! А он только головой

ВЕРА КОЛОЧКОВА

кивал, соглашался. И дальше этого молчаливого согласия дело не шло. Теперь вот приходится мучиться...

Нет, она никогда на мужа по большому счету не злилась. Не выходила из себя, не скандалила. Потому что любила сильно. До немоты, до сердечной одури. Как мама всегда говорила — вляпалась ты, доченька, в эту любовь по самое не могу... И в чужих детей вляпалась так, что как бы расхлебывать не пришлось.

Ей всегда хотелось ответить маме гневно — куда я не вляпалась, разве можно так говорить! Что в том плохого, что я им матерью стала? Конечно, поначалу нелегко было, это да... А потом ничего, привыкли. Приняли. Мамой называть стали. Да что говорить: уж девять лет с тех пор минуло... Как Валентин сдал их, малявок, ей на руки — примите и распишитесь! — так и побежало время день за днем. Что ни день — то новые трудности. А ей все нипочем было, и трудности тоже. Любила же без ума... И мужа, и дочек его непростых... Да если вспомнить, как они первое время привыкали друг к другу! Они ведь еще мать родную помнили, хотя и совсем крохами были, когда она умерла. Против природы же не попрешь танком, и материнскую родную энергетику так просто к чужой тетке не приспособишь. Да, многое нужно было терпеть. И в себе что-то менять приходилось, подстраиваться как-то... И даже получилось подстроиться, если в сегодняшний день заглянуть, вполне себе благополучный...

А мама, помнится, как ее отговаривала тогда! И плакать принималась, и пузырек с валерьянкой

Шведская семья Ивановых

из ладони не выпускала. И сердечным приступом пугала все время:

— В могилу ты меня сведешь, Настя, ей-богу! Ну что ты творишь, сама подумай? Какую судьбу себе выбираешь? Тебе что, приспичило замуж за вдовца выходить? Ты ж молодая, красивая, умная, ну куда ж ты... Только ординатуру закончила, в хорошую поликлинику на работу устроилась, живи себе да радуйся! Осмотрись, для себя поживи... Вон сколько у тебя в поликлинике холостых врачей... Зачем тебе этот вдовец с двумя детьми сдался?

— Я люблю его, мам... Очень люблю... Да я на все для него готова, мам!

— Ой, да не смеди меня, любит она! Можно подумать, больше любить некого! Да что же, для тебя нормального мужика не найдется, что ли?

— А Валентин что, ненормальный, по-твоему? В чем его ненормальность, мам? В том, что жена его так рано умерла? Что он один с двумя детьми остался? Что не бросил их на чужие руки, а сам воспитывает?

— Ну да, ну да... Вот теперь на твои руки и сбросит, ага... Нашел дурочку с переулочка. Я ж тебя хорошо воспитала, ты у меня такая... Шибко честная да жалостливая. На таких обычно все и ездят. На правильных и порядочных.

— Ну вот, сама ж говоришь — воспитала... Теперь сама на себя пальцем и показывай. Что получилось, то получилось, ешь с хлебом и маслом. Не надо было тогда меня так хорошо воспитывать, мам!

— А ты не хама матери, не хама!

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Да разве я хамлю?

— А что ты делаешь, по-твоему?

— Да ничего особенного... Я ж, наоборот, пытаюсь тебе комплимент сделать!

— Ой, не надо мне таких комплиментов! Какая ж ты хорошо воспитанная, если только и делаешь, что матери прекословишь?

— Да нет, что ты... Просто свою позицию пытаюсь отстоять, только и всего. Это мой выбор, мам, я его уже сделала. Я люблю этого мужчину и всегда хочу быть рядом с ним. И детей его любить хочу...

— Эка у тебя все просто! Хочу, и все тут! А мне каково смотреть, как ты свою судьбу коверкаешь? Неужель я не знаю, как оно бывает... С чужими-то детьми... Да со старым мужиком...

— Ну какой же он старый, мам? Ему тридцать пять всего!

— А тебе сколько, забыла? Десять лет разницы — это не много разве?

— Да нормально... Сейчас бывает, что сорока лет разницы не боятся, и даже пятидесяти...

— Ну, кто не боится, у тех свой расчет и свой резон! Там деньги большие командуют, это ж понятно! А у твоего Валентина... Он же наверняка гол как сокол... Квартира-то у него хоть есть, скажи?

— Есть, мама, есть... Хорошая квартира, трехкомнатная. Я к нему через пару дней перееду, так что...

— Как это — через пару дней? Так быстро? Куда так спешить, зачем?

— Я так решила, мам. Так решила...

Шведская семья Ивановых

— Ой! Ой, сердце схватило, умру сейчас!

— Не умирай, мам. Вон, валерьяночки себе накапай. Может, легче станет.

— Опять хамишь, да?

— Нет. Просто мне надоел этот бесконечный разговор, вот и все. Давай уже прекратим его, а? Все уже решено...

— Так сгоряча решено-то! Не подумавши! Ну какая из тебя мачеха, Настена, сама-то не соображаешь, что ли? Это ж чужие дети, чужие душишки, как же ты будешь с ними... Тем более они родную мать наверняка хорошо помнят!

— Им по три годика было, когда она умерла. Чего они там помнят...

— Ну, не скажи, не скажи! — вновь ухватила за Настино неловкое предположение мама. — Родную-то мать дети с рождения помнят, их не обманешь чужой теткой. Не думай, что все это просто, пришла да заявила — я теперь буду вашей матерью. Нет, милая моя, детскую любовь очень трудно выслужить! Тут, знаешь ли, большое сердце нужно... Взрослое, да умное, да осторожное...

— А я постараюсь, мам. Очень постараюсь.

— Вот-вот... Я ж знаю, какая ты старательная да правильная... И впрямь будешь стараться как оглашенная. И будешь у них вечно на побегушках... А как ты думала, а? Кто шибко старается, тот всегда и виноват остается, с того и спрос. Смотри, пожалеешь потом, да поздно будет!

Наверное, все матери так дочерям говорят — не пожалей потом. Это и понятно, жалко отдавать дитя в чужие руки. Сколько бы тебе ни было лет,

ВЕРА КОЛОЧКОВА

а все равно ты для матери — дитя малое. Жалко и страшно, и ревность материнское сердце съедает. И не объяснишь, что ты сама эти самые «чужие руки» без ума любишь... Или с умом... Без разницы, в общем. Любишь, и все тут.

Да и как она могла не влюбиться? У нее ж практически других шансов не было! Сразу все срослось, все на свои места встало, половинки сложились! Как увидела Валентина в первый раз, так и потеряла голову.

Он пришел к ней на прием в поликлинику — злой, озабоченный дурацкими правилами, как сам выразился. На работе, мол, дел невпроворот, а начальство обязательную диспансеризацию затеяло, приспичило им, видите ли! Нет, он не хамил, конечно, он просто сердился. Досадовал. И на нее поначалу с досадой смотрел — давайте, мол, по-быстрому все сделаем... Чего здорового и крепкого мужика обследовать, и без того ясно, что здоровье в порядке! Каких тут у вас врачей надо пройти... Даже и не пройти, а бегом по кабинетам пробежать.

А потом его досада ушла куда-то. Улыбнулся, сказал что-то смешное, она уж не помнила что... Хотя нет, прекрасно же помнила! И помнила, как свой вопрос задала — абсолютно сакраментальный для данного случая:

— Жалобы какие-нибудь есть?

— Да, есть... — ответил он, не задумываясь. — У меня жалоба на вашу поликлинику, да... Почему на приеме такие красивые доктора сидят? Это же неправильно, это же отвлекает... Да какой мужик начнет этакой красоте про свои болячки

Шведская семья Ивановых

рассказывать? Да ни в жизнь... На месте помрет, но не расскажет.

Комплимент был, мягко говоря, неуклюжий. Довольно топорно сработанный. А она поплыла, да так, что едва сознание не потеряла. Вот было бы смешно, если бы грохнулась в обморок, как кисейная барышня! От неожиданно нагрянувших чувств-с! От любви с первого взгляда!

Посмотрела на него растерянно, улыбнулась. А он смутился вдруг. Проговорил тихо:

— Простите... Я, кажется, пошутил неудачно... Вы напишите там, в своих медицинских талмудах, что пациент здоров и ни на что не жалуется. А то мне еще кучу врачей обходить... Вон, целый список выдали! Когда ж я их всех обойти успею?

— А вы что, сильно торопитесь, да? — спросила участливо, пытаясь не выдать своего полубморочного состояния. Хорошо еще, что другие врачи ее в этот момент не видели! Потом каждый бы обсмеял, кому не лень... От пациента голову потеряла! Вот так вот — сразу и вдруг!

— Да, я тороплюсь... — ответил Валентин быстро. — Очень даже тороплюсь... Мне дочек из сада вовремя забрать надо, а еще на работу успеть заскочить! Никак не успеваю, хоть что делай!

Дочек! Из сада! Значит, у него дочери есть... Женат, значит... А она, как дура, сердцем зашлась! В зобу дыханье сперло, куда там!

Так явно расстроилась, что все нужные вопросы из головы вылетели. А он вдруг объяснил торопливо, слово почувствовал ее смятение:

— Я один дочек воспитываю, жену похоронил год назад... Вот и тороплюсь, потому как их за-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

братъ из сада больше некому... Вы извините, что я вам все это говорю, но и в самом деле у меня просто безвыходное положение образовалось!

Конечно, ужасно неприлично было этому объяснению радоваться, ужасно нехорошо. А она все равно обрадовалась — ничего поделывать с собой не могла. И промямлила осторожно:

— А хотите, я сама с вами по всем врачам пройду? Ну, чтобы в очереди не сидеть... Ведь там очередь большая к каждому специалисту, всегда так во время диспансеризации бывает! Часа за два управимся, я думаю. Хотите?

— Ой... Это было бы просто замечательно, конечно же. Да что там — вы меня просто спасете! Как вас... Я не разглядел... — прищурился он на бейджик, прикрепленный к карману халата.

— Анастасия меня зовут. Можно просто Настя.

— Очень приятно. Какое имя у вас красивое. А я Валентин...

— Да, я помню. Я же вам карточку заполняла. Ну что, Валентин, идем? Сначала к хирургу, потом к окулисту... Что там у нас дальше по списку?

— Да, идем! Еще раз вам спасибо! Я в долгу не останусь, я обязательно отблагодарю...

— Да не надо ничего, ради бога! Я ж так просто вам решила помочь... По-человечески, от души... Ну, идемте быстрее!

И пошла впереди него хозяйкой положения. Спина прямая, подбородок вверх. Надо ж было скрыть как-то свои ощущения, стыдно же — вот так... Будто она навязаться хочет.

Так и получилось: организовала ему всю диспансеризацию за рекордно короткое время.

Шведская семья Ивановых

Формально подошла, одним словом. У многих врачей и без осмотра обошлось, просто подпись поставили, и все. По ее просьбе...

Правда, без каверзных вопросов не обошлось. Например, хирург Илья Андреевич глянул на нее хитренько, спросил насмешливо:

— Кавалер твой, что ли? Давай признавайся, чего так покраснела?

— Да почему сразу кавалер, просто знакомый...

— Ну да, ну да. Если у тебя на всех знакомых так будут глазки гореть, ходить тебе с подпорченной репутацией... Уж не буду вслух произносить, как эта репутация называется! Обидишься еще, не дай бог!

Она даже отстранилась испуганно, хотела ответить, но промолчала. Пусть Илья Андреевич потренируется в своих шуточках, если ему приспичило. Подпись поставил, и хорошо. И убежать можно...

Зато все неудобства компенсировались искренней благодарностью Валентина. Такой искренней, что она совсем обнаглела, предложила радостно:

— Давайте я вам свой номер телефона оставлю... Если будут какие-то проблемы — звоните! Рада буду помочь...

Телефончик он себе записал. При этом улыбнулся так, что ей снова неловко стало. И чтобы скрыть эту неловкость, проговорила торопливо:

— Это на всякий случай, мало ли... Вдруг заболите или консультация нужна будет... Я так понимаю, вам особо некогда за своим здоровьем следить?

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Да, вы правы... Совсем некогда... — Валентин грустно вздохнул. — Хотя, слава богу, на здоровье пока не жалуюсь. Нет у меня права болеть, сами понимаете. Я ж один... У моих девчонок даже бабушек рядом нет, уж так получилось. Моя мама в другом городе живет, всякий раз не приедет. Слишком далеко...

— А в каком городе она живет?

— Во Владивостоке.

— Да уж, не близко... И что, никаких других родственников у вас здесь нет?

— Нет. Я ж говорю — мы одни с дочками... Вот и верчусь как белка в колесе. Думаю, няню им подыскать, что ли? Вы не знаете, как это делается? Или, может, у вас знакомые есть, которые хорошую няню порекомендовать могут?

— Нет, я не знаю. И знакомых таких у меня нет. По-моему, есть фирмы, занимающиеся этими проблемами специально. Надо в Интернете смотреть...

— Что ж, спасибо. И вообще... За помощь вам огромное спасибо! Теперь я точно все успею... Пойду, не буду вас больше задерживать. У вашего кабинета уже очередь большая образовалась, а вы тут... Со мной возитесь... Спасибо!

Валентин ушел, а она продолжила прием, изо всех сил пытаясь сосредоточиться. В голове сплошной туман был. В груди волнение. И удивление запоздалое накатило: что это такое было сейчас? Ничего подобного раньше и близко не случилось... И не сказать ведь, что она была в свои двадцать пять девушкой-недотрогой, всякий опыт за плечами имелся. И первая школьная

Шведская семья Ивановых

любовь, и студенческие романы, и даже полтора года совместной жизни с Ромочкой, тоже студентом... Квартиру снимали, по выходным из постели не вылезали, к друзьям на дачу летом ездили. Время текло, как праздник, как хоровод веселья юных гормонов. Никаких обязательств друг перед другом, просто жизнь... А потом праздник разом кончился, цепь хоровода разорвалась, изжила себя. Ругаться стали, подолгу отношения выяснять, рефлексировать на тему собственных отношений — что и как, да зачем... И кто во всем больше виноват... Когда разбежались, она будто на свободу вышла, к маме вернулась.

А мама, кстати, тогда очень расстроилась:

— Ну как же так, Настенька... Что ж ты не удержала его, такой приличный молодой человек, из хорошей семьи... Я думала, у вас уже к свадьбе дело идет! Кучу постельного белья тебе в приданое накупила! И два сервиза — столовый и чайный!

— Да какое постельное белье, мам... Какие сервизы... О чем ты!

— О чем, о чем! О жизни, вот о чем! Не думала, что такую легкомысленную и недалёковидную дочь вырастила! Да я и денег подкопила на свадьбу, сколько смогла... И с Ромочкиной мамой мы по телефону познакомились... Очень милая женщина, между прочим! Сказала, что ты ей понравилась. Она тоже не против свадьбы была... Такая красивая пара, так жалко! Да и возраст у тебя... Самое то для замужества! Чего вы расстались-то вдруг? Вчера еще все хорошо было, а сегодня что, все не так?

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Мы поняли, что не любим друг друга. Очень простое объяснение, мам. Простое и понятное.

— Хм! Как у тебя все легко! Любили, потом разлюбили! А ты бы хотела до конца своих дней мужа любить, что ли?

— Ну да... Хотелось бы...

— Ой, Настена, Настена... Чего ж ты у меня такая наивная? Семейная жизнь — это ведь не только любовь... Я тебе даже больше скажу — в ней можно вполне и без любви обойтись, если уж на то пошло. Иметь семью — это основная функция женщины. То есть семья как факт, понимаешь? Чтобы гнездо вить изо дня в день, деток растить... А когда всем этим делом занят, о любви уже и не думаешь, она на второй план отходит. Это по молодости любовь чем-то крайне необходимым кажется, а потом... Уж поверь мне...

— Может, ты и права, мам, не знаю. Но я так не могу. Для меня семья — это праздник любви. Чтобы изо дня в день — и с любовью. А иначе с ума сойти можно, я думаю. Вся жизнь в сплошную неврастению уйдет. Нет, я не смогу так, что ты...

— Ну и останешься одна, с такими-то мыслями!

— Значит, буду одна!

— Думаешь, так лучше?

— Не сердись, мам. И вообще, давай больше не будем об этом... Я так устала, а мне утром на работу...

Мама только рукой махнула и губы поджала. Потом не разговаривала с ней три дня, всячески демонстрировала свое недовольство. А потом ни-

Шведская семья Ивановых

чего, отошла... Характер у нее был такой, время ему надо было, чтобы привыкнуть к новым обстоятельствам.

После Ромочки еще были встречи и отношения, но и они быстро угасали. Ни разу такого не было, как сейчас... Чтобы захлестнуло, чтобы вспыхнуло в голове пониманием — вот оно, свершилось! Вот вторая твоя половинка и обнаружилась, судьба сама ее к тебе случаем подогнала...

Да, свершилось. А дальше-то что? Эй, судьба, ты почему отстранилась? Подогнать подогнала, а дальше — сама действуй?

Но как действовать-то? Навязываться? По телефону Валентину звонить, о себе напоминать нахально? А вдруг у него есть отношения? Вдруг он любит кого-то? И вообще... Если бы она его хоть немного заинтересовала, он бы сам давно позвонил... Номер у него есть. Но ведь не звонит! Неделя уже прошла, а он не звонит!

Всю эту неделю она проходила как чумная, не выпуская телефон из ладони. Проверяла каждые пять минут, не пропустила ли звонок... О присутствии в жизни Валентина двоих дочек почему-то не думалось. Наверное, ее не напугало это обстоятельство. Потому что когда любишь, то все в этом человеке любишь... Всех его родственников авансом. Всем свое сердце отдать готова...

В конце второй недели так измаялась, что решилась позвонить. Вернее, начала себя готовить к этому обстоятельству, обдумывать каждое слово. Репетировать интонацию голоса. Выбирать время. Лучше вечером, наверное, после шести. Хотя

ВЕРА КОЛОЧКОВА

он занят после шести, дочками занимается, домашними делами. Лучше после девяти, когда дети уснут... Теперь надо день выбрать. Субботний вечер вполне даже подходит... О работе думать не надо, спешить никуда не надо, самое спокойное время для телефонных разговоров. Да, какое-то внутреннее чувство само подсказывало: именно в субботу вечером!

Наверное, в этом что-то все-таки есть, когда подобной визуализацией действий занимаешься. Наверное, судьба слышит. Хотя, если честно, раньше она во всякие эти глупости не верила...

Он позвонил именно в субботу вечером. Сам позвонил. Голос был тихий, и испуганный, и отчаянно виноватый. Такой виноватый, что едва выбрался из всех извинений:

— Простите меня за поздний звонок, Настя... Вы, наверное, не помните про меня... Я тот самый пациент, которому вы помогли пройти диспансеризацию, Валентином меня зовут. Не помните, наверное, уже больше двух недель прошло... Но вы мне сами свой номер телефона дали, если помните...

Она хотела возмутиться: как же больше-то двух недель! Я тут дни считаю, и ничего не больше, а меньше! А вы... Но не возмутилась, конечно. Спросила вполне себе деловито:

— У вас что-то случилось, Валентин? Вы заболели?

— Нет, не я... Дочка заболела. Температура поднялась, а признаков простуды нет. Я горло смотрел... В детскую поликлинику не пойдешь,

Шведская семья Ивановых

там никого сейчас нет, наверное? А вызов только на понедельник примут... Может, мне «Скорую» вызвать, как думаете?

— А какая у дочки температура?

— Тридцать восемь и пять.

— Жаропонижающее давали?

— Нет... Я не знаю, какое. Они вообще-то у меня не болят... Растерялся я как-то. Не знаю, что делать. Наверное, все-таки в «Скорую» звонить надо...

— Не паникуйте раньше времени, Валентин. Давайте я сейчас к вам приеду, сама девочку посмотрю. Вы где живете, говорите адрес!

— Ой, мне так неловко, что вы... Такое для вас беспокойство...

— Да бросьте! Говорите, я записываю!

Знала она прекрасно этот адрес, чего уж там. В медицинской карте посмотрела. Но не могла же она ему рассказать, что ездила в этот район, пока ожиданием звонка маялась! Что ходила по магазинам, расположенным недалеко от его дома... И что сердце все время билось пугливо — вот сейчас, сейчас... Сейчас увидит его в супермаркете... И улыбнется, и удивится, и обрадуется — ах, какая встреча! Здравствуйте, Валентин! А я вот к подруге приехала, в супермаркет по пути заскочила: вкусенького к чаю купить...

— ...Через полчаса я буду у вас, Валентин. Ждите.

Нажала на кнопку отбоя, выдохнула, похвалила себя за достойную сдержанность — отлично все прошло! Если не считать, конечно, что дочка болеет... Остается надеяться, что там ерунда ка-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

кая-нибудь, мало ли отчего у ребенка может температура подняться. На месте разберемся...

Так и оказалось: ничего страшного с дочкой Валентина не случилось. Лежала в кровати, капризничала. Увидела незнакомую тетку, закрыла лицо руками. Но она успела разглядеть и припухшие глазки, и покрасневшие веки девочки.

— Она что, плакала недавно? — деловито спросила у Валентина, одновременно пытаясь ошупать у ребенка подчелюстные лимфоузлы.

— Да, она плакала... Долго плакала. Я не уследил, когда мы гуляли... Поля с мальчишкой из-за велосипеда подралась...

— Поля, значит... Ты что, Поля, хулиганка у нас, да?

Девчонка отняла ладошки от лица, проговорила капризно:

— А чего он, жадина-говядина! Сам велосипед бросил, я покататься хотела! А он...

Личико ее тут же скривилось, губы задрожали. Вот-вот снова разрыдается! Пришлось отвлечь строгим, но ласковым приказом:

— Открой рот, Полечка! Мне надо горлышко посмотреть! Ты умеешь показывать горлышко? Скажи — а-а-а...

— Она не виновата вовсе... Он первый на нее накинудся... — услышала Настя за спиной жалобно писклявый голосок. Обернулась... Еще одна дочка, стало быть! Точная копия Полины!

— Привет... — улыбнулась ей ласково. — Правильно, всегда надо сестренку защищать...

— Да, Оля у нас такая. Тихая заступница, — быстро пояснил Валентин. — А Поля у нас —

Шведская семья Ивановых

огонь... Вроде близнецы, а характеры абсолютно разные. Поля полдня после этой злосчастной прогулки рыдала... Никак успокоиться не могла...

— Ну, вот вам и причина высокой температуры, что ж... — проговорила Настя, вынимая из ушей стетоскоп. — Легкие чистые, горлышко в порядке... Остальное — реакция организма на стресс. Плюс длительный плач и нервное перенапряжение. Поспит, и все пройдет. Детский нурофен у вас есть?

— Нет... Я ж говорю, они у меня не болят... Но я в аптеку сбегая, у нас дежурная аптека недалеко!

— Что ж, давайте. А я пока с детьми побуду. Не волнуйтесь так, Валентин. На вас же лица нет.

— Да я как-то испугался... Спасибо вам, Настя, что приехали. Даже не знаю, как вас еще благодарить.

— А мне «спасибо» достаточно... Рада была помочь. Ну, идите же в аптеку, Валентин... А я пока девочкам книжку читаю. Какую вы книжку читать любите, девочки?

— Папа нам сейчас про Муми-тролля читает... — тихо объяснила Оля, застенчившись.

— О, так отличная книжка! Я, когда маленькая была, тоже ее очень любила! Давай, Оль, тащи книжку сюда, будем читать...

Поля заснула, не дождавшись отца. Настя закрыла книжку, протянула руку, погладила Олю по голове, улыбнулась:

— Больше читать не будем, чтобы Полю не разбудить, ладно?

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Ладно... — покладисто согласилась Оля и тут же взгромоздилась к ней на колени, прижалась худеньким тельцем, проговорила тихо: — Какая ты хорошая, тетя... И пахнет от тебя вкусно... Как от нашей мамы... У нас с Полей ведь нет мамы, ты знаешь?

— Да, малышка, знаю... И ты тоже хорошая. И пахнет от тебя вкусно. И сестренка твоя тоже хорошая, хоть и драчунья... Давай я тебя спать уложу? Вон глазки уже слипаются...

— А ты не уйдешь?

— Нет, я не уйду... Я папу дождусь. Обязательно.

— Тебя Настей зовут, да? Я слышала, как папа тебя Настей назвал...

— Правильно. Настей.

— А у нас в садике в группе целых три Насти есть... Представляешь?

— Да ты что? Надо же...

— Ну да... И все они страшные воображалы. Зато мы с Полей лучше всех разговариваем, вот! Мы даже букву «р» хорошо произносим! Воспитательница нас хвалит всегда. И еще она говорит, что мы очень развитые.

— Да уж... Для своих четырех лет — даже очень...

— А ты откуда знаешь, что нам с Полей четыре года?

— Так папа сказал... А вот и он идет, слышишь, дверь хлопнула?

— Слышу... Только ты не уходи все равно... Ты же обещала меня спать уложить!

— Так пойдем... Ложись давай... А рядом посижу, хорошо?

Шведская семья Ивановых

— А песенку споешь?

— Песенку? Ну ладно, я попробую...

Тут же память услужливо подкинула ей и песенку, под которую сама когда-то засыпала. Про того самого серого волчка, который должен обязательно укусить за бочок. И кто ее только придумал, такую песенку? Страшно же... Помнится, в детстве она всегда представляла, как волчок подкрадывается и хватает ее острыми зубами за бочок!

Об этом, смеясь, и сообщила Валентину, когда вышла на кухню. Проговорила довольно легко:

— Надо же, какие ужасы в этой колыбельной запрограммированы! Почему волчок обязательно должен укусить бедного засыпающего ребенка?

Валентин засмеялся, наливая ей в чашку чай. Ответил весело:

— А я не помню из детства никаких колыбельных, не сохранились в памяти... Вот Лиза много колыбельных песенок знала, это да. А я им больше современный эстрадный репертуар исполняю, прекрасно под него засыпают. Особенно вот под это — «самый лучший день приходил вчера»... Лиза очень любила этого исполнителя, все его песни знала...

— Лиза — это мама девочек, да? — осторожно уточнила Настя.

Он только кивнул грустно. Можно было и не уточнять, и без того понятно.

— Как быстро ее скрутило, я даже и не понял ничего... Вот так живешь и думаешь: это все у других бывает, а тебя никогда не коснется. Что онкология только у пожилых бывает...

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— К сожалению, нет... — Настя тяжело вздохнула. — Эта коварная штука ни с кем и ни с чем не считается, у нее свой жестокий выбор. Понимаю, как вам трудно было... И очень сочувствую...

— Да, трудно. Но не будем о грустном... Вы пейте чай, Настя, остынет! Как вам мои девчонки? Не устали от них?

— Да что вы... У вас замечательные дети. Очень развитые, умненькие.

— Да, это все Лиза... Она много в них вкладывала. Они уже и читать умеют, между прочим! — произнес Валентин горделиво. — А как рисуют, вы бы видели! И танцевать любят... Воспитательница говорит, у них способности к танцу, надо бы их в балетной школе показать... А я как-то сомневаюсь насчет балета, если честно. Это же такая нагрузка! Они там пашут, как рабы на галерах! Жалко как-то... А вы что на этот счет думаете, Настя? Может, я ошибаюсь и не стоит сомневаться? Вдруг у них и впрямь врожденный талант, а я его в землю зарую? Вдруг они вырастут и мне не простят?

— Ну, не знаю... — произнесла она глубокомысленно. — Мне тоже как-то жалко... Это ведь еще от характера зависит... Видите, как Полечка на стресс прореагировала? А там вечный стресс, нервные и физические перегрузки... Не знаю, правда. Можно ведь и альтернативу балету найти, если на то пошло.

— Так вот и я том же! Как хорошо, что вы меня поддержали! А то я все сомневался... Слушайте, Настя! А давайте на «ты» перейдем, а?

Шведская семья Ивановых

— Давайте... Я с удовольствием, да...

С этого перехода на «ты» все и покатило в ту самую сторону, в которую надо было. Вернее, которую она для себя сразу определила. Имя ей было — любовь...

С каждым днем она понимала, что не ошиблась. Что Валентин — ее мужчина. Хотя особого времени на раздумья не было. Как-то незаметно она уместилась в жизнь своего избранника, ненавязчиво старалась помочь, тщательно контролируя эту самую ненавязчивость. То девчонок из сада заберет, то холодильник заполнит продуктами, то ужин приготовит... Конечно, тут был хитрый расчет с ее стороны, который, как говорится, у каждого плута имеется. Но разве ее плутом в этой ситуации назовешь? Когда плутовство есть, там любви нет. А она любила. Еще как любила. И девчонки, Оля с Полей, вполне уютно в эту любовь вместились. Признали ее, приняли. Дети ж чувствуют, когда к ним с душой относятся, когда им не лгут.

Однажды, когда она уходила домой, Оля вдруг вцепилась в нее, расплакалась: «Не уходи, не надо, не отпущу! Я хочу, чтобы ты с нами осталась!» Валентин взял плачущую дочку на руки, прижал к себе, а на нее посмотрел так, что ей показалось, тоже сейчас заплачет — не уходи, не надо, не отпущу...

Конечно, это было преувеличением с ее стороны. Желанным преувеличением. Вовсе Валентин плакать не собирался, мужчины ведь не плачут. Зато слова его прозвучали почти музыкой для нее:

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— И правда, Насть... Может, останешься? Хотя тебе самой решать, конечно... Я не настаиваю...

Самой решать! Господи, да она давно уже все решила! Только не надо в этот момент сообщать об этом с бурной радостью, чтобы его не смущать. Легче надо, как будто все само собой произошло, как будто она и не поняла сути его предложения. Плута иногда тоже надо включать. Не для себя, а для Валентина. Чтобы он не чувствовал неловкости момента.

Протянула руки, произнесла ласково:

— Иди ко мне, Олечка... Не плачь, что ты... Видишь, я никуда не уйду? Сейчас мы с тобой пойдем к Поле, будем все вместе мультики смотреть... А потом я вас спать уложу. И сказку расскажу, и песенку спою... Какую ты хочешь сказку, Оленька?

— Ага... Мы уснем, а ты домой к себе уйдешь... — всхлипнула Оля, обхватывая ее руками за шею. — Уйдешь, как в прошлый раз...

— Я не уйду. Обещаю тебе. Честно слово. Ты мне веришь, Оль?

Сказала и коротко взглянула на Валентина. Он стоял, оперевшись плечом в дверной косяк, смотрел на нее с благодарной улыбкой.

Так их судьба и решилась, в общем. А как иначе? Со стороны Валентина просьбу остаться в данном случае можно рассматривать как предложение руки и сердца, а ее обещание, данное ребенку, вполне можно приравнять к тому пресловутому женскому «да»...

Шведская семья Ивановых

Правда, потом был момент — отчаянно неловкий. Когда, уложив девчонок, она вышла к нему на кухню. Но, слава богу, он сам справился с этим неловким моментом, шагнул к ней, притянул к себе, обнял осторожно. И прошептал в ухо нежно:

— Я так тебе благодарен, Насть... Не бойся, все хорошо будет. Я всегда буду любить тебя, всегда... Завтра же пойдем в загс, подадим заявление. Ты ведь не против стать Ивановой, правда? Фамилия не ахти, конечно... Зато мы все будем Ивановы... Хорошая дружная семья...

— Я согласна, Валь. И фамилия мне очень даже нравится. А сейчас пойдем спать, а? У меня сегодня ночное дежурство было, потом я Олю с Полей в поликлинику на прививку водила, потом надо было им сандалики покупать... Я просто падаю от усталости, Валь! Сейчас возьму и усну в твоих руках...

Конечно, не так уж она и устала. Просто не хотела, чтобы все случилось вот так, сразу. А оно все равно случилось, да так естественно случилось, так бурно! Будто они давно уже были любовниками и ужасно скучали после долгой разлуки. Почти до утра не спали, только и сумели для сна урвать каких-то полчаса, пока девчонки не проснулись.

Она даже маме забыла позвонить с вечера и предупредить, что не вернется. Потом сунулась в сумку за телефоном, а там куча маминых вызовов! Ну, будут теперь разборки... И поделом, что ж. Мать всегда остается матерью, и беспокойство

ВЕРА КОЛОЧКОВА

ничуть не уменьшается, когда взрослый ребенок пропадает и не звонит.

Тут же отправила ей сообщение — извини, мол, не смогла позвонить, со мной все в порядке. Вечером все объясню...

Объяснение было трудным. Мама плакала. Не могла ее понять. Не хотела.

— И за что? За что ты его любишь? Что в нем особенного, скажи?

— Странный вопрос, мам... Что значит — за что? Любят ведь не за что-то, любят без всяких условий... Когда начинаешь размышлять, для чего и за что, это значит, и не любишь вовсе.

— То есть ты хочешь сказать, что с пустой головой влюбилась? Не размышляла, себя не контролировала?

— Ну да... Так и есть. Сердцу не прикажешь, мам, оно свою правду знает, ему наплевать на всякие там размышления и на самоконтроль.

— А это правильно, по-твоему? Правильно разве только на сердце рассчитывать? Да это ж беда, Настя, это беда... Он же, твой Валентин, тоже не слепой, он же видит, что ты безоглядно влюбилась! Он этим и пользуется! Ты хоть понимаешь, что ему не жена любимая нужна, а мать для детей? Что им-то как раз голый расчет и самоконтроль руководит? Ему не жена, ему мать для детей нужна, повторяю тебе еще раз, чтобы ты услышала меня наконец!

— А это не одно и то же, мам? Когда и мать, и жена? Пусть даже если расчет...

— Нет, милая моя, далеко не одно и то же... Ты просто обезумела, ты сейчас рассуждать здраво не

Шведская семья Ивановых

можешь. Так послушай хотя бы, что тебе мать говорит... Хотя раз в жизни послушай!

— Я не буду слушать, мам. Я знаю, что ты скажешь. Тем более мне некогда... Надо себя в порядок привести, понимаешь? Мы с Валею сегодня в загс идем заявление подавать. А потом посидим где-нибудь, отметим... Кстати, ты не посидишь пару часов с детьми? К тому же тебе пора давно с ними познакомиться. Они замечательные девчушки, тебе понравятся!

— Нет уж, уволь! Не надо мне ни девчушек, ни мальчишек! Сама эту кашу заварила, сама и расхлебывай!

— Мам, ну зачем ты так... Я же знаю, что ты очень добрый и отзывчивый человек. У девчонок ни одной бабушки нет... Да у них вообще никого из родственников здесь нет...

— А ты не дави на мою жалость, не дави! Да, я добрый и отзывчивый человек, ты права! И мне в первую очередь свою родную дочь жалко! Ну куда ты хочешь вляпаться, куда, сумасшедшая? Сядь и подумай, охолопись немного! А то смотри-ка... Позвал вдовец с детьми замуж, а она и побежала, задравши хвост от радости! Куда бежишь-то, сама подумай?

Не стала она думать, конечно же. Потому что чувствовала себя абсолютно счастливой на данный момент. Бегущей задравши хвост, как некрасиво выразилась мама. Ну и пусть некрасиво, какая ей разница... И маме эту некрасивость можно простить. Да все и всем можно простить, когда внутри тебя счастье поет! На сто лет вперед простить...

ВЕРА КОЛОЧКОВА

Через месяц их расписали, и стала она Настей Ивановой законным образом. Оформила удостоверение Оли и Поли, и прибавился к статусу замужней дамы еще один статус — материнский. И началась новая жизнь...

Трудная была жизнь, да. Девочки росли, не успели они с Валею опомниться, как пора было их в первый класс собирать. А еще она записала их в школу спортивных танцев, чтобы развивались физически хорошо. Способности у них были отменные, все вразной об этом говорили. Были у Вали все же поползновения насчет балетной школы, но тут она воспротивилась:

— Нет, Валь! Мы уже с тобой обсуждали когда-то эту тему! Там ведь режим, там строгости, там полная самоотдача... Да там надо в общежитии при школе жить, представляешь? Они ж подумают, что мы таким образом избавиться от них хотим, отстраниться... Нет, пусть лучше спортивными танцами занимаются! Чем плохо, скажи? Зато дома живут, под нашим приглядом...

— Да я разве спорю, Насть, что ты? Я же просто предложил... — покладисто согласился Валя. — Как считаешь нужным, так и поступай... Ты же мать, тебе виднее.

Как она ему благодарна была за это непридуманное «ты же мать»! И как старалась быть матерью, несмотря на все трудности воспитания! А трудности были, еще как были... Куда ж без них. С Олей они как-то сразу поладили, а вот Поля... Характерец у Поли был еще тот, оторви да брось. Своенравный, горделивый. Ты ей слово — она тебе два в ответ. И попробуй переспорь!

Шведская семья Ивановых

Потому приходилось подстраиваться: и уступать, и хитрить иногда...

Семейных хлопот было много. Валентин после ее появления в семье весь ушел в работу, будто нагонял упущенное. Да и заработать старался побольше, чего уж там. Иногда совсем поздно домой приходил. Она понимала, никогда его ни в чем не упрекала. Однажды будто невзначай заговорила с ним о ребенке — мол, где двое детей в семье, там и трое... Он глянул виновато, проговорил осторожно:

— Давай чуть позже, Насть? Пусть девчонки подрастут... Кто знает, как они все это воспримут? Вдруг ревновать начнут...

Ее покорило слегка Валин ответ. Что значит — «все это»? Рождение общего ребенка — это не радость, что ли? Оно называется — «все это»?

Впрочем, он тут же поправился, заговорил быстро:

— Конечно, у нас обязательно будет третий ребенок, Насть! Я просто хотел сказать... Не сейчас... Я же вижу, как ты устаешь... А девочки подрастут и будут тебе помощницами! Чем плохо, а?

Она улыбнулась, кивнула согласно. Он был прав — уставала она ужасно. Хорошо, что мама ей помогала. Она, хоть недовольна была поначалу, смирилась со временем и девчонок всем сердцем полюбила. Хоть и строга была с ними, но как-то по-особенному строга, как заботливая бабушка. Даже Польшка маму больше слушала, чем ее...

И вот уже девять лет прошло. Девчонкам уже по тринадцать, а общего ребенка они с Валею так и не родили. Может, зря...

ВЕРА КОЛОЧКОВА

Настя вздохнула, глянула на часы, удивилась тихо — уже без десяти одиннадцать! Ничего себе, как быстро воскресное утро пролетело, можно сказать, псу под хвост! В доме работы невпроворот, а она сидит, воспоминаниям предается! Надо идти на кухню, обед готовить... Девчонки с тренировки голодные придут. Да и Валя скоро проснется, наверное... Он всегда по воскресеньям отсыпается, на неделю вперед. Работает много...

На обед она задумала рассольник сварить. И рыбных котлет нажарить. А на гарнир можно гречку... И салат, обязательно овощной салат! Главное, чтобы в меню калорий не много было, а то девчонки от обеда откажутся. Им форму держать надо. А Валентину вообще все равно, что на обед съесть, он в этом смысле неприхотлив...

Как назло, уронила пустую кастрюлю на пол, она грохнула гулко. Вот неловкая какая, Валу на верняка разбила!

Он и впрямь через пять минут вышел на кухню — глаза припухшие, заспанные.

— Доброе утро, Насть... Ты чего тут хулиганишь?

— Да вот кастрюлю уронила... Я тебя разбила, да?

— Все нормально, хорошо, что разбила. Сколько можно спать? А девчонки где?

— На тренировку ушли...

— Что, и в выходной тренировка? А они тебе лапшу на уши не вешают, случаем? Придумали причину, чтобы гулять уйти?

Шведская семья Ивановых

— Нет. Я не верю. Зачем им обманывать? Мы ж их под замком не держим... Они и так могут идти, куда захотят.

— Ох уж эти мне танцы-шманцы... Лучше бы чем-то серьезным увлеклись. Еще и с такой гордостью тренировкой свои занятия называют... Это ж не спорт, какие еще тренировки!

— Так это спортивные танцы, Валь... У них там физическая подготовочка должна быть — будь здоров. Ты хоть раз видел, как они танцуют?

— Да видел, видел... Здорово, конечно. Но все равно... Это же танцы, не более того.

— Спортивные танцы, повторяю тебе! Ты знаешь, что они скоро на соревнования поедут? Всероссийские, между прочим?

— На соревнования? По танцам?

— Ну да... А чему ты так удивляешься?

— Да нет, ради бога... Просто я, наверное, от жизни отстал. Ничего в ваших делах не понимаю.

— В ваших? В каких это — ваших?

— Ну, в женских... В девчачьих...

— Да, ты мало с девчонками общаешься в последнее время. Можно сказать, совсем не общаешься. Вон даже про соревнования ничего не слышал. А они ведь готовятся, им это важно...

— Что-то я не понял... Это претензия или упрек?

— А как хочешь, так и считай. Как тебе больше нравится. Только факт остается фактом — надо больше рядом с детьми времени проводить, внимания им уделять больше надо!

— Ну ладно, не сердись. Насть... Ты же знаешь, как я много работаю.